
ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Е.А. Терентьев

Кафедра анализа социальных институтов
Факультет социологии
Национальный исследовательский университет —
Высшая школа экономики
Кочновский проезд, 3, Москва, Россия, 125319

В статье представлен аналитический обзор теоретических и эмпирических исследований, связанных с пониманием географических названий (топонимов) и практик наименования/переименования географических объектов (топонимических практик) в социальных науках. Предлагается классификация, основанная на выделении двух подходов к топонимическим исследованиям — культурологического и критического. Особое внимание уделяется рассмотрению критического подхода, появление которого увязывается с такими тенденциями развития современной социологической мысли, как всплеск интереса к исследованиям коллективной памяти и практик коммеморации; экспансия социологической теории на географические дисциплины и появление теорий «социального производства пространства»; доминирование критической традиции исследований. В заключительной части статьи обсуждаются ограничения критического подхода и возможности их преодоления за счет использования теоретико-методологических ресурсов неопрагматической социологии.

Ключевые слова: топонимические практики; места памяти; социальное производство пространства; критическая теория; пространственный поворот в социальных науках.

Вплоть до недавнего времени монополия на исследование географических названий принадлежала топонимике, основной фокус которой касался изучения лингвистических и этимологических особенностей топонимических номенклатур на определенных территориях. Такая гегемония была нарушена в конце прошлого века, когда интерес к изучению практик наименования/переименования географических объектов проявили исследователи, представляющие широкий спектр социальных дисциплин.

Отправной точкой поворота к социальному анализу топонимических практик стала серия трансформаций в гуманитарном и естественнонаучном знании, получившая в научном дискурсе названия «пространственного» и «мемориального» поворотов в социальных науках и «культурного» поворота в географии. Эти изменения привели к экспансии социологической теории на широкий спектр географических дисциплин и формированию междисциплинарных направлений, синтезирующих концептуальные аппараты гуманитарных и естественных наук. В частности, топонимические практики стали объектом изучения в рамках таких направлений, как исследования памяти и городские исследования.

В данной статье предпринимается систематический анализ различных подходов к исследованию топонимов и топонимических практик в социальных науках и реконструируются основные положения каждого из подходов.

Основная задача статьи — показать возможности использования теоретических и методологических ресурсов социологии и социального знания для анализа практик наименования/переименования географических объектов и, таким образом, обозначить актуальность этой области исследования.

В рамках общего массива исследований, посвященных изучению топонимов и топонимических практик в социальных науках, можно выделить два основных кластера работ, которым соответствуют различные способы концептуализации ключевых понятий. Для их обозначения мы используем понятия «критического» и «культурологического» подходов (см. табл. 1). Основное различие между двумя подходами заключается в том, что если в рамках культурологического подхода объектом исследования становятся сами названия, рассматриваемые как историко-культурные артефакты, то в рамках критического подхода внимание исследователей направлено на проблематизацию практик наименования/переименования, которые рассматриваются как «социальные факты, укорененные в напряженном контексте социокультурных отношений» [35. С. 7].

В статье особое внимание уделяется рассмотрению критического подхода. Хотя основной массив работ в этом направлении принадлежит географам, он опирается на теоретические ресурсы социологии и социального знания и открывает широкие перспективы для социологического анализа практик наименования/переименования географических объектов, которые пока остаются не реализованными. Предпринятый систематический анализ представляется особенно актуальным ввиду того, что многие из рассмотренных источников не известны русскоязычному читателю.

Таблица 1

Классификация подходов к анализу топонимов в социальных науках

Подход	Способ концептуализации	Фокус рассмотрения	Ключевые понятия
Критический	Топонимия как форма идеологии	Практики наименования / переименования	Топонимические политики, политики коммеморации, политики пространства и шкалы, репутационные политики, политики принадлежности
Культурологический	Топонимия как культурный артефакт	Топонимические ландшафты	Топонимический текст, культурный ландшафт, пространственная идентичность, семиосфера, брендинг территории

Культурологический подход к анализу топонимов и топонимических практик представлен в работах антропологов, культурологов, этнографов и культурных географов. Ключевой особенностью этого подхода является помещение в исследовательский фокус самих названий, которые рассматриваются как символические коды, где зашифрована информация об истории, традициях и культуре тех мест, откуда они происходят. Соответственно, задача исследователя заключается в расшифровке и интерпретации этих кодов.

В зарубежной традиции наибольшее распространение подобный подход получил в культурной географии, где топонимы стали рассматриваться как важнейшие составляющие культурных ландшафтов.

Одной из центральных фигур в этом контексте является американский географ Вилбур Зелинский, который на примере изучения американской топонимики продемонстрировал историко-культурные рамки становления американского национализма и патриотизма [37]. Он обнаружил, что около четверти всех американских топонимов включают в себя имена бывших национальных лидеров: Вашингтона, Джэксона, Линкольна, Джефферсона и Франклина, и интерпретировал этот факт как отражение общего культурного контекста развития американского общества, связанного с поиском национальной идентичности. Широкое применение в культурной географии получила метафора «ландшафта как текста», предполагающая возможность рассмотрения топонимических номенклатур в качестве связной совокупности знаков и значений, доступных для прочтения.

В отечественной традиции подобный подход представлен в работах культурологов, где топонимы рассматриваются как важные составляющие городской семиосферы. Теоретико-методологические основы такой перспективы заложены представителями московско-тартусской семиотической школы, которые оформили в своих работах понятия «городского текста», «мифа» и «образа» [11; 16]. В постсоветское время исследования по городской семиотике получили развитие в работах Владимира Абашева, посвященных анализу «культурного текста» Перми [1], и Михаила Тимофеева, рассматривающего роль топонимов в формировании бренда города Иваново [15].

Ярким примером культурологического анализа топонимии является также работа Владимира Паперного «Культура два», где на примере различий в политиках наименования географических объектов в СССР в 1917—1932 гг. и 1932—1954 гг. показаны различия между двумя типами советских культур [13].

В антропологии и этнографии топонимы рассматриваются как один из важнейших источников данных о культурных традициях и практиках национальных, этнических или иных типов сообществ и являются обязательным пунктом большинства эмпирических исследований.

Поворот от изучения топонимических текстов в сторону анализа практик их (вос)производства произошел на фоне так называемого «пространственного поворота» в социальных науках, выраженного в экспансии социологической теории на широкий спектр географических дисциплин, а также некоторых других тенденций развития социологической мысли во второй половине XX в., таких как доминирование критической традиции исследований и всплеск интереса к исследованиям коллективной памяти и практик коммеморации. В этой связи можно выделить три основных теоретических пласта, которые подготовили базу для возникновения критических топонимических исследований: теории «социального производства пространства», теории коллективной памяти и коммеморации и теории идеологии, символической власти и гегемонии.

Общая рамка критического поворота в топонимических исследованиях задана работами неомарксистских мыслителей, которые обратились к изучению идеологических механизмов (вос)производства социальных структур.

Перевооруживая классическую марксистскую дихотомию базиса/надстройки, они указали на то, что идеология является не просто иллюзией, или ложным сознанием, но и активной конституирующей силой, обладающей автономным существованием.

Одним из центральных понятий неомарксистского подхода к анализу идеологии стало понятие «гегемонии», введенное в социально-философский дискурс итальянским мыслителем и политическим деятелем Антонио Грамши [7].

Постулируя невозможность осуществления социального, политического и культурного господства исключительно за счет прямого насилия, Грамши отводит решающую роль в формировании и поддержании социального порядка согласия в сфере гражданского общества. Для обозначения этого согласия он использует понятие «гегемонии».

Агентами формирования и поддержания гегемонии по Грамши являются частные организации и инициативы, в репертуаре которых представлено множество идеолого-культурных форм, таких как пресса, литература, церковь, школа, архитектура и даже названия улиц [8]. Применительно к изучению топонимических практик понятие «гегемонии» подчеркивает, во-первых, факт идеологической обусловленности топонимических ландшафтов, и, во-вторых, ту роль, которую они играют в натурализации и легитимации властных идеологий в качестве «здорового смысла» и «естественного порядка».

Схожее видение социального мира представлено в работах французского мыслителя Луи Альтюссера, который использует понятие «идеологических аппаратов государства» (ИАГ) для обозначения социальных акторов и институций, вовлеченных в процесс идеологического (вос)производства социальных структур [2]. Целью ИАГ по Альтюссеру является «обращение» (interpellation) индивидов в активных субъектов действия, подчиненных господствующему социальному порядку. В этом отношении практики наименования/переименования можно рассматривать как один из способов вменения индивидам социальных перспектив господствующего класса.

Третьей важной концепцией, к которой активно обращаются исследователи топонимических практик, является концепция «символической власти», предложенная французским социологом Пьером Бурдьё. Рассматривая символические системы в качестве инструментов навязывания определенных видений (социального) мира, Бурдьё определяет «символическую власть» как «власть учреждать данность через высказывание, власть заставлять видеть и верить, утверждать или изменять видение мира и, тем самым, воздействие на мир, а значит, сам мир» [5. С. 95]. Практики наименования/переименования в такой перспективе интерпретируются как одна из форм осуществления символического насилия, которая (вос)производит в эвфемизированных формах социальную и политическую борьбу между классами.

При этом Бурдьё указывает на то, что легитимация определенного порядка в большинстве случаев не является результатом целенаправленной идеологической обработки, а всего лишь отражает объективную связь между социальными структурами и произведенными ими символическими конструктами [6. С. 146].

Другим основанием для критического поворота в топонимических исследованиях стало появление концепций социального производства пространства. Ключевыми фигурами в этом отношении являются французские социологи Анри Лефевр и Мишель де Серто. В своей работе «Производство пространства» Лефевр выступил с критикой традиционных метафизических представлений о пространстве и определил его как «социальный продукт» [9. С. 27]. Призвав преодолеть «двойную иллюзию» — «иллюзию прозрачности» (пространство индивидуальных представлений) и «иллюзию реалистичности» (пространство как объективная физическая сущность) — он поставил вопрос о производстве пространства как (вос)производстве существующей системы социальных отношений [10]. Такая интерпретация легла в основу формирования критического подхода к анализу современного ему капиталистического пространства как идеологической формы, которая должна быть демистифицирована и декодирована.

Важно понимать, что суть теории Лефевра не сводится исключительно к критике господствующих представлений о пространстве. Он предлагает более тонкую схему, которая направлена на преодоление классических бинарных оппозиций природного/социального и материально/идеального.

В центре этой схемы лежит различие трех уровней существования пространства: уровня пространственных репрезентаций, уровня пространства репрезентаций и уровня пространственных практик. Пространственным репрезентациям соответствует понимаемое (*conceived*) пространство, которое создается и интерпретируется профессионалами, и, таким образом, должно рассматриваться как манифестация властной идеологии. Как отмечает английский исследователь творчества Лефевра Энди Меррифилд, в этом пространстве «неизменно заключается идеологическая власть и знание, это доминирующее пространство каждого общества, потому что оно тесно связано с производственными отношениями и «порядком», который навязывает эти отношения» [32. С. 174].

Пространство репрезентаций — это обжитое (*lived*) пространство, которому соответствуют дорефлексивные индивидуальные представления о повседневном опыте пространства. Оно включает в себе не только реальное, но и воображаемое пространство и открывает возможности для сопротивления доминирующему порядку. Пространственные практики — это воспринимаемое (*perceived*) пространство, которое обеспечивает связность понимаемого и обжитого пространства, формируя материальные формы пространственности.

Таким образом, концепция «социального производства пространства» открывает перспективы для изучения не только гегемонических пространственных концепций, но и контргегемонических практик сопротивления их власти. Применительно к сфере топонимических исследований теория Лефевра имеет особенное значение, поскольку затрагивает вопросы вербальной и визуальной репрезентации пространства, одной из форм которой являются топонимические практики.

Вслед за Лефевром де Серто критикует идеализированные представления о пространстве, определяя его как место борьбы между различными социальными акторами и институциями [14]. Центральным пунктом его теории является концептуализация двух типов пространственных практик, для обозначения кото-

рых он использует понятия «стратегий» и «тактик». Стратегиями он называет легитимированные практики репрезентации, которые направлены на производство собственных мест техническими специалистами и властными инстанциями. Их ключевой особенностью является наличие субъекта власти, который осуществляет господство над пространством в соответствии с определенными историческими конфигурациями рациональности.

В противовес стратегиям тактики понимаются как «искусство слабого», отличительной чертой которого является отсутствие какой-либо власти [14. С. 112]. Пространство тактик — это пространство повседневной деятельности горожан, которые ищут бреши в городском паноптическом дискурсе, браконьерствуя, изворачиваясь и сопротивляясь навязанному социальному порядку.

Названиям мест де Серто уделяет особенное внимание. Рассматривая топонимические номенклатуры в качестве «констелляций, иерархизирующих и семантически упорядочивающих городскую поверхность» [14. С. 203], он указывает на их важнейшую роль в производстве смысла мест. Такая интерпретация открывает широкие перспективы для критической концептуализации практик наименования/переименования как инструментов осуществления символического насилия, однако важно понимать, что де Серто большее внимание уделяет изучению реальных практик присвоения топонимических систем, которые лишь отчасти соотносятся с первоначально вложенными в них значениями: «эти слова... подобно стершимся монетам постепенно теряют выгравированную на них стоимость... они отдают себя множественности значений, которую вкладывают в них прохожие» [14. С. 203].

В качестве одной из тактик взаимодействия с городским топонимическим пространством де Серто приводит случай своей подруги, которая на бессознательном уровне избегает именных названий улиц, которые ассоциируются у нее с повестками в суд или различными системами классификации.

Третьим важнейшим основанием критического поворота в топонимических исследованиях стали теоретические и эмпирические работы, посвященные изучению коллективной памяти и практик коммеморации. Основоположителем этого исследовательского направления, которое в академической литературе получило название «исследований памяти» (*memory studies*), является французский социолог Морис Хальбвакс. В своих работах он призвал преодолеть редуционизм классических психологических представлений о памяти и определил ее как социальную активность, являющуюся выражением и связующей силой групповой идентичности [17]. Хальбвакс указал также на необходимость критического прочтения коммеморативных практик, которые используют коллективную память в качестве орудия для воссоздания таких образов прошлого, которые соответствуют политическим задачам настоящего.

Подобная интерпретация открыла дорогу для появления большого массива исследований, посвященных изучению политик коммеморации. Одной из наиболее известных работ в этом направлении является сборник статей «Изобретение традиций» под редакцией британских историков Эрика Хобсбаума и Теренса

Рейнджера, где критически реконструируются рамки производства различных национальных традиций и символов [30].

Большой вклад в формирование теоретической рамки исследований памяти внес также английский социолог Пол Коннертон, который особое внимание обратил на то, что изучение коллективной памяти должно касаться не только практик коммеморации, но и практик забвения [25]. В наиболее известной своей работе он указал на принципиально политический характер коллективной памяти, постулируя, что «контроль социальной памяти в большой степени опирается на властную иерархию» [24. С. 1].

Применительно к топонимическим исследованиям исключительную важность представляют работы французского социолога Пьера Нора, который обосновал значимость исследования материальных составляющих коллективной памяти, разработав концепт «мест памяти» (*lieux de memoire*) как «мест, где память кристаллизуется и находит свое убежище» [12. С. 17].

Важно понимать, что слово «место» Нора употребляет не в общепринятом географическом смысле, а более широко: он использует его применительно к людям, событиям, предметам, книгам, песням, символам и т.д. В этом смысле топонимы также являются «местами памяти», существование которых направлено на сохранение той или иной памяти о прошлом.

Эмпирическое исследование в рамках этой перспективы предполагает помещение в фокус рассмотрения не материальных и исторических референтов тех или иных мест памяти, а различных способов их восприятия и репрезентации.

Так, в статье, посвященной Верденской битве, Нора описывает не саму битву, а корпус воспоминаний о ней. Различные нарративы в таком контексте можно рассматривать в терминах различий между политиками коммеморации, присущими социальным акторам и институциям, а конкретные коммеморативные практики принимают значение символической борьбы за легитимацию этих политик коммеморации.

Формирование критических топонимических исследований (КТИ) как самостоятельного исследовательского направления связано с появлением работ израильского географа Маоза Азарьяху, посвященных анализу политик переименования улиц в Берлине и Хайфе. В этих работах Азарьяху формулирует метафорику и концептуальный аппарат, заложившие основы для критического подхода к исследованию названий мест.

Выделяя утилитарную и символическую функции коммеморативных названий улиц, он указывает на исключительную значимость последней в контексте конструирования гегемонических концепций истории. Он говорит о том, что, являясь одновременно историческими свидетельствами и пространственными обозначениями, топонимы выступают в качестве важнейших мест памяти, вписывающих властные версии истории в повседневную жизнь [18].

Азарьяху концептуализирует не только социальное измерение названий улиц, но и сами практики наименования, рассматривая их как административный и политический акт, находящийся под воздействием конкурирующих интересов в сфере символического контроля над публичным пространством [18]. При этом он ука-

зывает на дуализм любого акта номинации, говоря о том, что, коммеморируя ту или иную историческую фигуру, событие или понятие, мы декоммеморируем другое.

Хотя основное внимание Азарьяху уделяет гегемоническим социопространственным концепциям, он также обращает внимание на то, что нелегитимированные практики переименования могут восприниматься как ритуальное сопротивление господствующим взглядам.

Схожим образом социальный географ Бренда Йеох, изучая «топонимические чистки» в постколониальном Сингапуре, концептуализирует акт топонимической номинации как социальную активность, отражающую «борьбу за контроль над средствами символического производства в рамках определенной территории» [36. С. 299]. Она связывает масштабные проекты переименования улиц со стремлением оторваться от колониального прошлого. Используя метафору «ландшафта как текста», Йеох говорит о том, что этот текст не является монолитным и раз и навсегда заданным, а скорее представляет собой постоянный процесс реформулирования и реинтерпретации.

В 1990-х и 2000-х гг. критические исследования названий мест приобрели большую популярность, и появился значительный массив работ, посвященных раскрытию связей между политическими структурами и практиками номинации. Наибольшее внимание исследователей привлекло изучение постколониальных и постсоциалистических контекстов.

Появление значительного количества эмпирических исследований, раскрывающих политическую сущность практик наименования географических объектов, привело к тому, что они стали в значительной степени «предсказуемыми и шаблонными» [34], что поставило исследователей перед необходимостью определения новых направлений поисков.

С одной стороны, решение было найдено в расширении поля объектов для анализа. С другой стороны, в исследовательский фокус были помещены также некоммеморативные топонимы. Так, канадский географ Рубен Роуз-Редвуд, апеллируя к поздним работам Фуко, посвященным изучению «правительственности» (governmentality), исследует связь между производством «управленческих рациональностей» (governmental rationalities) и конструированием географических пространств.

Анализируя деятельность социальных акторов, осуществляющих управление, он реконструирует рамки производства современного «гео-кодированного мира» [33].

Однако критика коснулась не только особенностей выбора эмпирических кейсов, но и теоретико-методологических основ КТИ. Обвинения в редукционистском характере используемого структуралистского подхода привели к осознанию необходимости расширения используемых теоретических концепций и методологического аппарата. Вследствие этого в конце 1990-х — 2000-е гг. появляются работы, предлагающие обратиться к изучению актов наименования вместо изучения топонимов самих по себе.

Ключевыми в данном контексте являются работы американского географа Дерекка Алдермана, посвященные изучению коммеморации Мартина Лютера Кинга в США. Уже в работе 1996 г. «Названия улиц как мемориальные арены: репутационные политики коммеморации Мартина Лютера Кинга в штате Джорджия» [21] он вводит метафору арены для описания практик номинации географических объектов, смещая акцент от изучения пространственных текстов к рассмотрению реальной деятельности социальных акторов по формированию топонимических политик.

Основной смысл предложенной метафоры, в противовес распространенной метафоре «ландшафта как текста», заключается в привлечении внимания не только к самим названиям, но и к процессу их производства и дальнейшего существования.

Метафора «арены» фокусирует внимание исследователей на способности мемориальных пространств служить «местами для обсуждений социальными группами различных трактовок истории и борьбы за контроль над процессами коммеморации» [26. С. 166]. В рамки рассмотрения здесь попадают не только гегемонические коммеморативные нарративы, но и альтернативные тактики меморизации. Ландшафты рассматриваются как напряженные поля конкуренции между различными акторами, которые вовлечены в процесс постоянного определения и переопределения мемориального наследия.

Американский социолог Гэри Файн в своей работе «Репутационные антрепренеры и некомпетентность памяти» вводит понятие «репутационных антрепренеров» (*reputational entrepreneurs*) для описания акторов, вовлеченных в борьбу за легитимацию различных политик коммеморации. «Репутационные антрепренеры», согласно Файну, «пытаются установить контроль над памятью об исторических фигурах, используя мотивацию, нарративную доступность и институциональное положение» [27. С. 1159].

В работе «Создавая новую географию памяти на Юге: переименование улиц в честь Мартина Лютера Кинга младшего» Алдерман предлагает концептуальную рамку для анализа социального значения практик наименования (переименования) и демонстрирует ее практические импликации. Алдерман выделяет три уровня анализа топонимических практик: 1) политики наименования/переименования; 2) политики памяти; 3) политики пространства и шкалы [20].

На уровне политик наименования/переименования он постулирует принципиальный идеологический характер топонимов и концептуализирует их в терминах «политического контроля, борьбы и переговоров, сопутствующих вписыванию идеологий в культурные ландшафты через символизм названий мест» [20. С. 54]. Обращаясь к концепции «гегемонии» Грамши, он говорит о том, что названия улиц являются одним из мощнейших инструментов поддержания статуса-кво в отношениях социальных групп. В этом контексте отсутствие имен афроамериканских культурных и политических деятелей на карте Америки должно интерпретироваться как символическое выражение расовой гегемонии белого большинства, а активизм афроамериканцев, направленный на попытки преобра-

зования топонимического ландшафта за счет переименований некоторых улиц в честь Кинга — как акт символического сопротивления этой гегемонии.

Понятие «политик памяти» отсылает к тому, что коммеморативные названия улиц являются одним из наиболее распространенных инструментов социального конструирования коллективной памяти, и активность социальных акторов и институций, направленная на поддержание/изменение топонимических ландшафтов, должна рассматриваться как политическая борьба за легитимацию тех или иных концепций прошлого. При этом использование концепции политик памяти должно рассматриваться в обоих направлениях — как политик памяти и политик забывания.

На уровне политик пространства и шкалы Алдерман апеллирует к теории «социального производства пространства» Лефевра и говорит о том, что важным аспектом практик наименования (переименования) является то, как определяется подходящее место для присвоения имени. Он приводит пример, что наименование в честь Кинга одной из маленьких улиц в неблагополучном районе небольшого городка не равнозначно наименованию улицы в деловом центре крупного города.

Соответственно, важным аспектом топонимических практик являются политики конструирования шкалы, определяемые как социально противоречивый процесс определения географических рамок коммеморации тех или иных исторических персонажей [20].

Идею политик шкалирования развивает в своей статье «Теоретизируя шкалу в критических топонимических исследованиях» другой американский социальный географ Джошуа Хаген. Он предлагает процессуальный подход к анализу социопространственного шкалирования, который заключается в исследовании того, как различные социальные акторы «используют концепции шкал в целях кристаллизации определенных социопространственных классификаций в сознании и практиках с целью достижения определенных политических, социальных и культурных целей» [28. С. 24].

Хаген указывает на то, что исследования шкал должны касаться изучения не монолитной единой шкалы, а, скорее, множества политик шкалирования, плотно переплетенных между собой. В качестве иллюстрации он приводит пример конструирования шкал вокруг топонимов в честь сенатора Роберта Бёрда, представлявшего Западную Вирджинию и выбивавшего для нее дотации от правительства. Рассмотренные с позиций локальной шкалы (уровень штата), эти названия являются свидетельством того, что Бёрд был эффективным законодателем — представителем своих избирателей. Рассмотренные с позиций национальной шкалы, эти же места клеймятся как «местнические интересы, противостоящие достижению общего блага» [28. С. 25].

В другой своей работе Алдерман обращается к работам Пьера Бурдьё, концептуализируя практики наименования (переименования) как форму символического капитала, используемого для создания систем социального различия [22]. Он говорит о том, что политические элиты и гражданские активисты могут исполь-

зовать названия улиц и других городских объектов для подчеркивания престижа места, который работает на повышение его социального статуса и привлекательности. С другой стороны, названия могут использоваться для отсеечения «аутсайдеров». В качестве примера здесь он приводит активное использование названий, включающих в себя слово «плантация», которые обозначают элитные районы и места, где живут только белые, что работает на поддержание классового и расового неравенства [22. С. 203—204].

В совместной работе с Джошуа Инвудом Алдерман развивает идею присвоения и маркирования городского пространства через практики наименования, вводя понятие «политик принадлежности» (politics of belonging) [23].

Топонимы, как и другие пространственные репрезентации, конституируют политики принадлежности, предоставляя одним социальным группам большие права на владение, чем другим. Практики наименования/переименования в таком ракурсе рассматриваются как механизмы социальной (не)справедливости. В этом контексте они обращаются к идее «права на город», предложенной Лефевром и развитой в работах других социологов и социальных географов [29; 31].

Основной заслугой КТИ является раскрытие потенциала социального анализа практик наименования/переименования географических объектов, реализация которого представляет большой интерес для социологии и смежных дисциплин. При этом в своем современном состоянии это исследовательское направление имеет ряд существенных ограничений и недостатков.

Во-первых, в рамках критического подхода в фокус рассмотрения попадает только один из уровней существования топонимического пространства, который в пространственной триаде Лефевра соответствует уровню репрезентаций пространства, а в модели де Серто — уровню стратегий. Это — доминирующее символическое пространство, созданное городскими властями. К изучению других уровней существования топонимического пространства, которые возникают в ходе реальных практик его освоения различными социальными акторами, данный подход нечувствителен.

Во-вторых, концептуальный аппарат КТИ нечувствителен к рассмотрению конкретных практик топонимического активизма и ситуаций их осуществления.

Эта проблема восходит к общим недостаткам критической традиции исследований, которая объясняет деятельность социальных акторов в терминах реализации их властных потенциалов. Сводя все объяснения к дихотомии господство/подчинение, мы исключаем из поля зрения субъектов действия, их деятельность и контекст ее осуществления. В этом смысле для критических исследователей нет принципиальной разницы в том, кто, где, когда и с какими целями включается в топонимическую деятельность, поскольку вне зависимости от этого общее объяснение будет заключаться в раскрытии структуры властных отношений, лежащей за ситуацией.

Наконец, третьим ключевым недостатком КТИ, который является прямым следствием первых двух озвученных проблем, является нечувствительность раз-

работанной концептуальной схемы к рассмотрению способов обоснования принятия топонимических решений альтернативных идеологическим. Азарьяху озвучивает эту проблему, говоря о том, что критические исследования «концентрируются исключительно на политическом значении имен... игнорируя способы аккумуляции значений, которые не обязательно связаны с политическими обоснованиями, лежащими за наименованием или последующим неприятием имен» [19. С. 31].

В данном контексте привлечение теоретико-методологических ресурсов социологии и социального знания может дать толчок для дальнейшего развития, которое представляется особенно важным ввиду широкого простора для исследовательской деятельности, предоставляемого самим объектом рассмотрения. Ключевой задачей в этом отношении является преодоление политического редукционизма и радикального структурализма, характерных для КТИ, которое можно произвести за счет обращения к ресурсам французской прагматической социологии [3; 4]. На теоретико-методологическом уровне такой поворот предполагает смещение исследовательского фокуса от раскрытия идеологий, лежащих за созданием легитимированных топонимических систем, к рассмотрению конкретных практик наименования/переименования и ситуаций их осуществления. Такое смещение исследовательского фокуса, в свою очередь, предполагает переход от рассмотрения социальных границ формирования пространственных текстов к исследованию практик артикуляции различных порядков ценностей, представленных в репертуаре акторов, вовлеченных в топонимическую дискуссию.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Абаишев В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Издательство Пермского университета, 2000.
- [2] *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // *Неприкосновенный запас*. 2011. № 3.
- [3] *Болтански Л., Тевено Л.* Критика и обоснование справедливости. Очерки социологии градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
- [4] *Болтански Л., Тевено Л.* Социология критической способности // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2000. Т. III. № 3.
- [5] *Бурдые П.* Социальное пространство и символическая власть // *Thesis*. 1993. № 2.
- [6] *Бурдые П.* Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии, 2007.
- [7] *Грамиши А.* Тюремные тетради // *Избранные произведения в трех томах*. Т. 3. М.: Иностранная литература, 1959.
- [8] *Лестер Дж.* Теория гегемонии Антонио Грамши и современность // *Альманах «Восток»*. 2003. № 9/10.
- [9] *Лефевр А.* Производство пространства // *Социологическое обозрение*. 2002. № 3.
- [10] *Лефевр А.* Социальное пространство // *Неприкосновенный запас*. 2010. № 2.
- [11] *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // *Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам*. Вып. XVIII. Тарту, 1984.

- [12] Нора П. Проблематика мест памяти // Озуф М., де Пюимеж Ж, Винок М. Франция — память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Университета, 1999.
- [13] Паперный В. Культура-2. М.: Литературное обозрение, 1996.
- [14] Серто М. Изобретение повседневности. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
- [15] Тимофеев М. История формирования семиосферы города Иваново (1917—1991) // Вестник Ивановского университета. 2005. № 3.
- [16] Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.
- [17] Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.
- [18] Azaryahu M. The power of commemorative street names // Environment and Planning D: Society and Space. 1996. № 14.
- [19] Azaryahu M. The critical turn and beyond: the case of commemorative street naming // ACME: An International E-Journal for Critical Geographers. 2011. № 10.
- [20] Alderman D. Creating a new geography of memory in the South: (re) naming of streets in honor of Martin Luther King, Jr. // Southeastern Geographer. 1996. № 36.
- [21] Alderman D. Street names as memorial arenas: The reputational politics of commemorating Martin Luther King Jr. in a Georgia County // Historical Geography. 2002. № 30.
- [22] Alderman D. Place, naming and the interpretation of cultural landscapes // The Ashgate research companion to heritage and identity / Ed. by Graham B., Howard P., 2008.
- [23] Alderman D., Inwood J. Street naming and the politics of belonging: spatial injustices in the toponymic commemoration of Martin Luther King Jr. // Social & Cultural Geography. 2013. January.
- [24] Connerton P. How societies remember. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- [25] Connerton P. Seven types of forgetting // Memory Studies. 2008. № 1.
- [26] Dwyer J., Alderman D. Memorial landscapes: analytic questions and metaphors // GeoJournal. 2008. № 73.
- [27] Fine G.A. Reputational entrepreneurs and the memory of incompetence: melting supporters, partisan warriors, and images of President Harding // American Journal of Sociology. 1996. № 101.
- [28] Hagen J. Theorizing scale in critical place-name studies // ACME: An International E-Journal for Critical Geographies. 2011. № 10.
- [29] Harvey D. The right to the city // New Left Review. 2008. № 53.
- [30] Hobsbawm E., Ranger T. The invention of tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- [31] Lefebvre H. Writings on cities. Blackwell: Cambridge, 1996.
- [32] Merrifield A. Henry Lefebvre. A socialist in space // Crang M., Thrift N. (Eds). Thinking Space. L.: Routledge, 2000.
- [33] Rose-Redwood R. Governmentality, geography and the geo-coded world // Progress in Human Geography. 2006. № 30.
- [34] Rose-Redwood R. et al. Geographies of toponymic inscription: new directions in critical place-name studies // Progress in Human Geography. 2010. № 34.
- [35] Vuolteenaho J., Berg L.D. Critical Toponymies: The contested politics of place naming. Aldershot-Burlington: Ashgate, 2009.
- [36] Yeoh B. Street-naming and nation-building: toponymic inscriptions of nationhood in Singapore // Area. 1996. № 28.
- [37] Zelinsky W. Nation into the state: the shifting symbolic foundations of American nationalism. N.Y.: University of North Carolina press, 1988.

PLACE-(RE)NAMING PRACTICES AS AN OBJECT OF SOCIOLOGICAL STUDY: AN ANALYTICAL OVERVIEW

E.A. Terentyev

Department of Sociology
National Research University — Higher School of Economics
Kochnovskiy pr., 3, Moscow, Russia, 125319

The article presents an analytical overview of the theoretical and empirical studies devoted to the interpretation of place names and place-(re)naming practices in social sciences. The author suggests a classification based on the distinction of two key approaches to the place-(re)naming practices — cultural and critical. The article focuses on the critical approach formed under the influence of such trends in the contemporary sociology as: 1) the surge of interest to the collective memory and practices of commemoration; 2) the expansion of sociological theory into geographical disciplines and the emergence of ‘social production of space’ theories; 3) the domination of critical research orientation. Finally, the author discusses some limitations of the critical approach and the ways to overcome them with the help of theoretical and methodological resources of neopragmatic sociology.

Key words: place-(re)naming practices; places of memory; social production of space; critical theory; spatial turn in social sciences.

REFERENCES

- [1] *Abashev V.* Perm' kak tekst. Perm' v russkoj kul'ture i literature HH veka. Perm': Izdatel'stvo Permskogo universiteta, 2000.
- [2] *Althusser L.* Ideologija i ideologicheskie apparaty gosudarstva (zametki dlja issledovanija) // *Neprikosnovennyj zapas.* 2011. № 3.
- [3] *Boltanski L., Thevenot L.* Kritika i obosnovanie spravedlivosti. Oчерki sociologii gradov. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013.
- [4] *Boltanski L., Thevenot L.* Sociologija kriticheskoj sposobnosti // *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii.* 2000. T. III. № 3.
- [5] *Bourdieu P.* Social'noe prostranstvo i simvolicheskaja vlast' // Thesis. 1993. № 2.
- [6] *Bourdieu P.* Sociologija social'nogo prostranstva. M.: Institut jeksperimental'noj sociologii, 2007.
- [7] *Gramsci A.* Tjurennye tetradi // *Izbrannye proizvedenija v treh tomah.* T. 3. M.: Inostrannaja literatura, 1959.
- [8] *Lester J.* Teorija gegemonii Antonio Gramsci i sovremennost' // *Al'manah “Vostok”.* 2003. № 9/10.
- [9] *Lefebvre H.* Proizvodstvo prostranstva // *Sociologicheskoe obozrenie.* 2002. № 3.
- [10] *Lefebvre H.* Social'noe prostranstvo // *Neprikosnovennyj zapas.* 2010. № 2.
- [11] *Lotman Ju.M.* Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda // *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Trudy po znakovym sistemam.* Vyp. XVIII. Tartu, 1984.
- [12] *Nora P.* Problematika mest pamjati // *Ozouf M., De Pyuimezh J., Winock M.* Francija — pamjat'. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo Universiteta, 1999.
- [13] *Paperny V.* Kul'tura–2. M.: Literaturnoe obozrenie, 1996.
- [14] *Certeau M.* Izobrenenie povsednevnosti. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013.
- [15] *Timofeev M.* Istorija formirovanija semiosfery goroda Ivanovo (1917—1991) // *Vestnik Ivanovskogo universiteta.* 2005. № 3.
- [16] *Toporov V.N.* Prostranstvo i tekst // *Tekst: semantika i struktura.* M., 1983.
- [17] *Halbwachs M.* Social'nye ramki pamjati. M.: Novoe izdatel'stvo, 2007.